

исключением известной сводки Н. Ф. Дубровина) необобщенным и научно не проанализированным. Систематизация и интерпретация этого этнографического материала составляет заслугу Ковалевского.

Кроме того, он значительно дополнил этот конкретный материал, обратив при этом внимание на ряд явлений, до него не исследованных. Научно-исследовательская деятельность Ковалевского по Кавказу состояла в разработке им впервые следующих тем: истории родового строя (с широким освещением перехода от матриархата к патриархату), истории отдельных родовых институтов и родового обычного права и, наконец, семейной общины и феодализма на Кавказе.

М. М. Ковалевский создал целую школу в кавказской этнографии. Его учениками-кавказоведами можно считать Н. Л. Абазадзе, С. А. Егизарова, Б. В. Миллера, Н. Н. Харузина и А. С. Хаханова. Влияние М. М. Ковалевского в разработке кавказских тем сказывается и ныне, и работы многих советских кавказоведов являются в известной мере продолжением дела М. М. Ковалевского.

В конце заседания с воспоминаниями о М. М. Ковалевском выступил проф. Б. В. Миллер. Борис Всеволодович познакомился с Ковалевским еще в юношеские годы, в московском доме своих родителей, куда Ковалевский нередко заходил прямо из университета, как друг и товарищ по университету отца Б. В. Миллера — Всеволода Федоровича Миллера. По словам Б. В., Ковалевский отличался большой жизнерадостностью, оптимизмом и остроумием и вместе с тем большой рассеянностью.

Б. В. Миллер вспоминает, с какой любовью относилось к Ковалевскому московское студенчество, встречавшее и провожавшее лекции М. М. аплодисментами. Ковалевский радовался этим овам; однако эти демонстрации солидарности с идеями молодого ученого, критиковавшего с университетской кафедры устои самодержавного режима¹, привлекли внимание властей, и в 1887 г., как уже упомянуто, Ковалевский был вынужден покинуть Московский университет.

Ковалевский придерживался передовых политических идей своего времени. По словам Б. В. Миллера, он глубоко сочувствовал Дрейфусу и был крайне возмущен этим процессом. В «деле Дрейфуса» Ковалевский видел не только яркое проявление антисемитизма со стороны правых националистических элементов французской буржуазии, но и явное надругательство над правом и справедливостью.

Закрывая заседание, проф. С. П. Толстов выразил пожелание всех собравшихся просить Редакционно-издательский совет Академии Наук СССР ускорить предполагаемое издание мемуаров М. М. Ковалевского.

К. Гагкаев

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ

(Сессия Отделения истории и философии Академии Наук СССР)

25—26 апреля 1946 г. в Москве состоялась сессия Отделения истории и философии Академии Наук СССР, посвященная вопросу этногенеза татар Поволжья. Сессия состоялась при участии ученых Москвы, Ленинграда и Казани и привлекла внимание научной общественности.

Открывая сессию, академик Б. Д. Греков уточнил ее задачи. Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии Наук СССР пишет труд по истории Татарской республики. Этногенез татар Поволжья является одной из основных и трудных проблем истории Татарии, разрешение которых требует совместных усилий ряда институтов и ученых разных специальностей. Откликаясь на пожелание ученых Татарской республики, Отделение созвало специальную сессию, пригласив для участия в ней не только историков, но и историков языка, историков материальной культуры, этнографов и антропологов.

На сессии были заслушаны четыре доклада: А. П. Смирнова (Москва) «К вопросу о происхождении татар Поволжья», основанный преимущественно на данных археологии; Т. А. Трофимовой (Москва) «Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии», Н. И. Воробьева (Казань) «Происхождение казанских татар по данным этнографии» и Л. З. Залылетдинова (Казань) «Происхождение казанских татар по лингвистическим данным».

Доклады эти, напечатанные в этом же номере журнала, вызвали оживленные прения. Выступления Н. Ф. Калинина, Х. Г. Гимади и А. Булатова (Казань) носили характер содокладов.

¹ Личность «обожяемого монарха» также не пользовалась симпатиями Ковалевского. Он любил рассказывать, как, будучи на Кавказе, нанял для транспортировки кладу погонщика ослов; предложенная погонщику монета была забракована последним, потому что на ней не было «царской морды». М. М. не раз повторял это выражение по адресу русского монарха.

Заслуженный деятель науки Н. Ф. Калинин построил свой доклад на археологических данных, сопровождая его многочисленными иллюстрациями.

Н. Ф. Калинин считает совершенно неприемлемыми теории, выводившие казанских татар из Монголии или отождествлявшие их с булгарами, также пришельцами. Общей территорией, на которой исторически, в течение тысячелетий сложилась казанско-татарская народность, были лесостепные и отчасти лесные пространства Среднего Поволжья, Нижнего и Среднего Прикамья. Именно здесь, а не в Монголии, не в Приазовье, не в Кипчакских степях начался процесс этногенеза, начальные ступени которого можно проследить вплоть до II тысячелетия до нашей эры. В этот период, в эпоху бронзы, на территории Волго-Камья существовало оседлое население, жившее мелкими родовыми объединениями и составившее несколько культурных общностей, более или менее определяющихся и территориально. Первая область — южные степные и лесостепные пространства края, обитатели которых вели оседлое пастушеско-скотоводческое хозяйство, соединенное с мотыжным земледелием. В археологии эта культурная общность носит название срубно-хвалынской культуры. Вторая область — севернее, по низменным побережьям рек лесных пространств. Здесь жило рыболовно-охотничье население, употреблявшее исключительно каменные орудия неолитического облика. Третья область — северные лесные пространства Предкамья и правобережья Волги, вдали от рек и по водоразделам, где население занималось мотыжно-подсечным земледелием, домашним скотоводством и охотой (культуры фатьяновская и последующие абашевская и сейминская). Географические особенности — лесистость, обилие крупных рек — способствовали взаимному проникновению элементов лесных и степных культур. Антропологически (как показал доклад Т. А. Трофимовой) эти народы были европеоидами. В языковом отношении, надо полагать, они переживали яфетическую стадию. Малые «языки», на которых в ту пору говорили отдельные родовые группы, были предками в равной степени и тюркских, и финских, и славянских языков.

В I тысячелетии до нашей эры аборигены Волжско-Камского края вступили в следующий этап развития. С ростом производительных сил, с началом обработки железа начинается разложение родового строя, происходят военные столкновения между имущественно неравными родами, появляются городища, групповое расселение которых свидетельствует о наличии племенных объединений. Происходит обособление культурных областей, явившееся предпосылкой сложения местных народностей. Область так называемой ананьинской культуры на правом побережье Камы — это область позднейшего сложения коми, удмуртов, марийцев; область городищской культуры на правом берегу Волги явилась областью позднейшего сложения чуваш, отчасти мордвы и мари. Преимущественно Закамье стало областью сложения татар. Возникновение в южных степях табунного кочевого скотоводства и возросшая вместе с кочевничеством подвижность племен отразились появлением из-за Урала новых этнических групп, которые уже тогда внесли в местное население четкие черты монголоидности.

Тюркские элементы языка, являющиеся основными в современном языке татар, имелись, можно думать, среди местного населения и в это раннее время. На это указывает упоминание Геродота о тиссагетах (тирагетах) и иирках. Эти ранние тюркские элементы являются древними компонентами татарского и чувашского языков. Можно предполагать, что название реки и название города «Казань», корень которого «каз», по-чувашски «хус», звучит в именах хозар, гузов, казахов, т. е. тюркских народов, было древним племенным названием тюрко-язычного племени, жившего на Казанке.

В дальнейшем тюрко-язычные кочевые племена, проникая в южную часть Булгарии, оседали в лесостепях Закамья. Леса и Кама задерживали их дальнейшее продвижение к северу. Здесь и образовался союз многочисленных булгарских племен — племен тюркоязычных. В значительной степени слившись с местными аборигенами, имея тесные связи и с русско-славянскими народами, булгары в течение семи веков (VII—XV вв.) были основой сложения казанско-татарской народности.

В XVI в. со времени присоединения Казани к Москве, татарская народность влилась в Русское государство, не представляя еще тогда нацию. В нацию она складывалась уже гораздо позднее, в процессе развития капитализма. Установление Татарской Автономной Советской Социалистической Республики было могучим фактором для дальнейшего развития татарского народа в самостоятельную нацию.

В дальнейшем Н. Ф. Калинин (в дополнение к докладу А. П. Смирнова) приводит ряд данных о генетической связи булгар XII—XIV вв. с поволжскими татарами XV—XVI вв. Эта связь устанавливается прежде всего общностью территории Булгарии и Татарии. Докладчик демонстрирует карту, на которой обозначены булгарские археологические памятники IX—XIII вв. Территория их распространения почти полностью совпадает с территорией теперешней Татарской республики.

Затем Н. Ф. Калинин приводит подробные данные об эпиграфических памятниках конца XIII—XIV вв. (75 шт.) и конца XV — первой половины XVI в. (88 шт.), обследованных археологическими экспедициями Казанского института. Демонстрируя ряд снимков, докладчик показывает разделение памятников на два резко отличаю-

щихся стиля, которые сосуществовали параллельно в XIII—XIV вв. Памятники первого стиля отличаются большой величиной, тщательностью отделки, богатым художественным оформлением, применением рельефного шрифта «сулюса», большим текстом и языковыми особенностями: слова текстов исключительно тюркские, близкие современным казанско-татарским, много арабизмов. Памятники этого стиля встречены только на Булгарском городище; они имеют много черт, сходных с памятниками XV в. и 1-й половины XVI в. Памятники второго стиля более широко распространены; они отличаются малыми размерами, упрощенной техникой обработки, применением врезанного и прямолинейных очертаний шрифта «куфи», коротким лаконичным текстом в 4—6 строк с чувашизмами. Наконец, имеются памятники переходного стиля.

Подчеркивая, в противоположность прежним исследователям, одновременность памятников обоих стилей, докладчик считает, что они принадлежали разным социальным группам. Памятники первого стиля можно отнести к верхушке булгарского феодального общества, преимущественно столичного, пользовавшегося литературным языком с сильными элементами арабизма. Памятники второго стиля принадлежали слою, стоявшему ниже на социальной лестнице, купцам, ремесленникам, менее знатым феодалам, язык которых был менее затронут влиянием литературы на арабской образованности. Возможно, что здесь мы имеем также проявление особой этнической группы, которую можно назвать тюрко-чувашской или суварской, имевшей в более ранние века свой политический центр — г. Сувар, свою феодальную знать. Памятники переходного стиля докладчик предположительно считает проявлением традиций «суварской» знати.

В заключение докладчик подтверждает генетическую связь булгар XIII—XIV вв. с татарами XV—XVI вв. сходством керамики Булгарского городища и керамики из Иски-Казани, тождеством и сходством болгарских и татарских украшений (браслеты, серьги и др.), сходством в орнаменте (металл, резьба по камню, ткани).

Основываясь на данных Махмуда Кашгарского (XI в.) и других обширных материалах, тов. Булатов говорит, что прикамские булгарские племена по языку являлись тюрками, родственными кипчакам и другим племенам, кочевавшим на север от Каспийского моря, и что их продвижение в Прикамье следует относить к раннему времени, задолго до переселения булгарских племен в Причерноморье. Преобладали тюркские племена и в Улусе Джучи. Незначительная орда Улуг-Мухамеда, основателя Казанского ханства, была тюркоязычной. Казанские татары являются не потомками пришельцев — монголов, а потомками тюрков — булгар и других тюркских племен, бывших автохтонами в Прикамье и в Дешт-и-Кипчаке.

А. Булатов указывает на архитипность чувашского языка и на невозможность разъяснения ряда его лексических форм из материалов живых тюркских языков и из языка орхонских надписей. Начало самостоятельного развития чувашского языка следует отнести к отдаленным временам. «Чувашизмы» ряда эпиграфических памятников Булгарии не дают основания считать их чувашскими, так как сходны лишь некоторые порядковые числительные, а формальные морфемы — тюркские. А. Булатов обращает внимание на резкое отличие мишарского диалекта от диалекта собственно казанских татар и ставит вопрос о происхождении мишарей.

Старший научный сотрудник Казанского филиала Академии Наук Х. Г. Гибади говорит о большом значении данной научной Сессии не только для Татарской республики, но и для других народов, населяющих Среднее Поволжье. В результате плохого понимания этногенеза казанских татар были сделаны серьезные ошибки в истории татарского народа, вскрытые в постановлении ЦК ВКП(б) от августа 1944 г.: была допущена идеализация отдельных сторон государства Золотая Орда, популяризировался ханско-феодальный эпос об Идееге, неправильно свещался ряд вопросов истории Казанского ханства. Сессия позволяет сделать научно-обоснованный вывод, что на формирование и развитие народности казанских татар решающее влияние оказали местные племена и тюркоязычные народности Поволжья — булгары, кипчаки и другие, а этот вывод даст ключ для разрешения других актуальных вопросов истории татарского народа.

В дальнейшем тов. Гимади останавливается на вопросе, связанном с этногенезом татар Поволжья, но слабо освещенном в исторической литературе — на взаимоотношениях булгар, кипчаков и других народов Среднего Поволжья с теми татаро-монголами, которые завоевали в 1236 г. Булгарское ханство.

Известия персидских писателей и русских летописей, подтвержденные археологическими данными, сообщают о том, что это завоевание сопровождалось страшным огнем и разрушением производительных сил. В Булгарах находилась резиденция баскака, население было взято на учет. Докладчик приводит отрывок из татаро-чувашского предания о том, как «завоеватели ходили по стране толпами, старых убивали, молодых вводили в плен и приручали вместе разбойничать, девиц тоже похищали и бесчестили, золото, серебро и всякое добро отбирали».

Но монголо-татарам не удалось полностью ликвидировать политическую самостоятельность Камской Булгарии. Булгарское ханство вошло в состав Золотой Орды, как вассальное княжество, наподобие русских княжеств. Судя по нумизматическому материалу, в XIII—XIV вв. в Булгарах правили местные князья. Термин

«монголо-татары» не прививался среди местного населения, видевшего в нем символ своего порабощения. Долго жители территории б. Булгарского ханства называли себя «Булгари», «Булгарлык». Ориенталист Григорьев отмечал это явление даже в XIX в. Некоторые соседи казанских татар, как удмурты, и по сей день называют их «бигерами», т. е. булгарами. Многие писатели прошлого подписывались «Булгари»: Гали Булгари (XIV в.), Мухамедьяр оглы Махмуд Булгари (XVI в.) Шарафутдин Булгари (XVI—XVII вв.), Утыз Имяни Булгари (XVIII в.), Каюм Насыри Эль-Булгари (XIX в.) и т. д. «Из книг, написанных 100—150 лет тому назад,—отмечает крупнейший татарский просветитель Каюм Насыров,—видно, что жители тех времен любили называть себя булгарами и из поколения в поколение не забывали об этом».

Но протест местного населения против угнетения выражался не только в этом, но и в форме восстаний. Докладчик приводит сведения источников о такого рода восстаниях, подробно останавливаясь на выступлениях под предводительством Бачмана. Татарские легенды («Алтын Чаг» и др.) говорят о том, как народы Булгарии оказывали сопротивление завоевателям-монголам. Легенда «Алтын-Чаг» (принадлежит не только татарам, но и башкирам)—яркий пример того, как и башкиры и древние предки татар (булгары) вели совместно борьбу против своих поработителей.

Аналогичные восстания происходили и значительно позже, в XIV и в XV вв. ибо политика Золотой Орды приводила к разорению и обнищанию населения. Особенно ухудшилось положение населения Среднего Поволжья к концу XIV и началу XV в. Это было связано с распадом Золотой Орды, с бесконечными междоусобицами и разбойничьими походами Золотой Орды как на территорию Руси, так и других покоренных народов. В результате, как говорит арабский писатель Ибн Арабшах: «жившие в довольстве обитатели Дешта дошли до оскудения и разорения». В одном из документов говорится о том, как от тяжелого гнета жителей булгарских земель вынуждены были продавать в рабство своих детей.

Против такой политики угнетения булгары оказывали сопротивление и в XIV—XV вв. Не случайно в это время ордынские ханы и князья организовали ряд карательных походов. Так, в 1365 г. ордынский князь Булат-Тимур двинулся на территорию Булгарского ханства и жестоко разгромил его. Город Булгары был разрушен. После этого погрома центр Булгарского государства переносится в район Казани, где находится ныне деревня Князь-Камаево. Впоследствии центр ханства был перенесен ближе к Волге, туда, где стоит современная Казань. Так, город Казань становится центром нового политического объединения—Казанского ханства.

Следует подчеркнуть, что первые попытки восстаний золотоордынские ханы успешно усмирляли: до середины XIV в. военно-феодальная машина Золотой Орды была еще сильна и монголо-татарские завоеватели могли удерживать под своим игом покоренные народы Восточной Европы. Но «всевластие» Золотой Орды все же не могло быть прочным. Золотая Орда не являлась государством единым ни в этническом, ни в экономическом, ни в культурном отношениях. Уже в XIV в. обнаружались явные признаки распада этого агрессивного военно-феодального государства. На его территории стали складываться экономически независимые от Орды политические образования, тяготевшие к политической независимости. Одним из таких образований, возникшим на территории Камской Булгарии, явилось Казанское ханство, где окончательно (в XV—XVI вв.) оформилась тюркская народность казанских татар.

Член-корр. Академии Наук СССР С. Е. Малов выступает как языковед. На территории Среднего Поволжья живут ныне два тюркских народа: чуваш и татары. Несмотря на то, что чувашский и татарский языки одной тюркской системы, они очень разнородны. Трудно хронологизировать появление этих двух языковых стихий, однако есть основания считать, что они уже существовали почти в таком виде, как теперь, за несколько столетий до нашей эры. Основания эти—большая стабильность тюркских языков. Имеются датированные памятники VIII в., писанные древнетюркским руническим письмом,—так называемая орхоно-енисейская письменность, имеются тюркские рукописи буддийского, манихейского и христианского содержания, которые относятся к VII—VIII вв., может быть, даже к V в. нашей эры. Эти памятники могут читать современные турки, если они ознакомятся с фонетическими переходами. Такая стабильность позволяет думать, что, встретив предпологаемого древнего «татарина», жителя V в. до н. э., современные татары с ним вполне бы объяснились. Башкиры, известные нам с X в., вполне могут объясняться с татарами. Памятники языка печеногов известны с IX в., главным образом на золотых сосудах из Венгрии. Их язык совсем не чувашский, а ближе к татарскому.

Переходя к чувашскому языку, С. Е. Малов характеризует его как самый древний тюркский язык, в котором больше всего сохранились старые тюркские языковые элементы. В пользу «булгарской теории» происхождения чуваш говорят как этнографические памятники из Булгарии с булгарскими элементами в языке, так и старые тюркизмы венгерского языка, которые объясняются аналогиями из современного чувашского языка и, видимо, были заимствованы венграми от дунских болгар, когда последние были еще тюрками. Это заставляет говорить о двух исконных тюркских языках в теперешней Татарии—чувашском и «татарском». Т

кова общая схема; однако, нужно иметь в виду, что болгарское государство было конгломератом народностей, что в нем были также и финны.

По мнению члена-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева, языковеды находятся в таком положении, что не смогут сделать определенных выводов по вопросам, изучаемым Сессией, а только смогут высказать свои пожелания и указать, к чему именно нужно стремиться, чтобы увереннее идти к общей цели.

Татарский язык очень мало изучен, хотя территория его находится близко от наших научных центров. Тов. Зялялетдинов правильно выдвигал диалектологию как один из элементов, могущий помочь выяснению проблемы. Но в сущности диалектология находится пока-что в стадии диалектографии.

Диалект мишарей имеет весьма большое значение для всей проблемы. Мещеряки (мишари) по говору отличаются от казанских татар. Количественно они преобладают, и территориально они гораздо ближе к Московской территории. Но что такое мишари, чем характеризуется их диалект? На это мы полностью ответить не можем. Не решен и вопрос о ведущем диалекте для татар, вопрос, который возник, когда татарская делегация еще перед войной приезжала в Москву на предмет перевода на русскую базу татарского алфавита. Если взять базой мещеряцкий диалект, тогда звуки «к» и «г» не являются фонемами. А если остается ориентация на казанский диалект, тогда их надо изображать на письме. Вопрос этот надо поставить заново, чтобы дать татарскому литературному языку твердую научную характеристику.

Далее, Н. К. Дмитриев отметил, что доцент Зялялетдинов предложил перечень тех этнических элементов, из языка которых составил в ходе истории татарский литературный язык: болгары, чуваша, кипчаки, финны, иранцы и, наконец, русские. Можно добавить по линии тюркских элементов и некоторые материалы по огузам. В диалекте мещеряков, кроме кипчацких, вскрываются огузские элементы. Возможно, что они занесены из Средней Азии, где в XIV—XV вв. встречаются элементы кипчацкого и огузского языков в различных комбинациях. Но это стабильный, статический материал. А каков был динамический процесс? Развить эту тему пока нельзя ввиду состояния нашего материала.

Самый больной вопрос в науке о татарском языке — периодизация истории этого языка. Нет общей концепции, так или иначе санкционированной или выдерживающей критику современной науки, нет и утвержденной программы для вузов по истории татарского языка.

Данная тема была поставлена как коллективная (индивидуальной она и не может быть) и была предназначена в первую очередь для работников Казани. Совместно с ними приступил к работе Институт языка и письменности Академии Наук. Теперь эти исследования, прерванные войной, надо возобновить.

Прежде всего необходимо развить работы по татарской диалектографии и диалектологии, затем поставить вопрос о ведущих диалектах в истории татарского языка и, наконец, уточнить источники, которые хронологизированы. В эпоху Казанского ханства должен был существовать официальный язык, язык духовных школ, канцелярий, который захирел после того, как Казань утратила свое политическое значение. Пока никто его специально не изучал, а этим нужно заняться. Нужно внимательно присмотреться к фольклору. Всем известно, что фольклорные памятники с большим трудом поддаются хронологизации, но тем не менее они — основной источник по истории татарского языка. Необходимо подвергнуть фольклор историко-лингвистическому анализу и, по возможности, исчерпать. Необходимо обратить внимание на топонимику. При надлежащих поправках мы сможем получить здесь очень ценный материал.

Какая специфика отличает татарский язык от других тюркских языков? Определенное различие тут есть, в частности сужение и редукция гласных. Общеизвестно, что татары употребляют «у» вместо «о» не только в русских, но и в тюркских словах, «и» вместо «е» и особое «е» вместо «и» других тюркских языков. Эти фонетические особенности, являющиеся типичными, должны быть характеризованы и хронологизированы. Намеки на это имеются в старых памятниках (Кодекс Куманикус и др.).

Важное значение в истории татарского языка и письменности имеет проблема арабского шрифта и арабско-персидских элементов в татарском языке. Как известно, особенности арабской орфографии мало подходили к системе звуков тюркских языков; в частности, в арабской орфографии гласные изображались факультативно, а не принципиально. Поэтому историческая фонетика татарского языка не может базироваться только на анализе этих памятников. Она должна базироваться и на дополнительном материале. Русские летописи, акты, судебные документы пестрят татаризмами; отдельные татарские слова встречаются и в собственно литературных памятниках Московской Руси. Изучить и систематизировать этот огромный материал — сложная коллективная тема, которая даст весьма много. К ней уже подходили крупнейшие специалисты (академик Корш, профессор Мелиоранский и другие), совершенно правильно ограничивая свои исследования древнерусскими памятниками, вроде «Слова о полку Игореве». Но речь идет о систематическом просмотре всех относящихся сюда материалов.

Проблема русско-татарских языковых связей должна быть расширена. Она мо-

жет быть использована не только, как вспомогательный материал по истории татарского языка, но и как самостоятельное целое, которое даст очень много по истории русского языка — в частности, по истории его лексики. Ряд таких мероприятий может быть предложен (в качестве пожелания) вновь открытому Казанскому филиалу Академии Наук, работникам его Института языка, литературы и истории и других организаций. Только тогда лингвисты смогут стать настоящими союзниками в общем деле полного разрешения проблемы этногенеза татар.

Переходя к содержанию доклада, сделанного на Сессии доцентом Зялялетдиновым, Н. К. Дмитриев указывает на слишком схематическое изложение старого чередования «л» и «ш». Желательно уточнить границы и хронологию этого чередования. Докладчик оперировал терминами *оканье* и *аканье*. В русских диалектах *оканье* и *аканье* имеют определенное значение, в тюркских языках мы имеем другое, не о, а звук вроде английского *all*. Это — черта второстепенная, она не имеет принципиального значения и не так глубоко выявляется в тюркских диалектах, как в русском языке. Докладчик говорил о взаимоотношении татарского и башкирского диалектов. В связи с этим надо напомнить о работе по изучению фонетики татарского языка, которую вел в своей лаборатории при Казанском университете недавно скончавшийся проф. Богородицкий. Лаборатория эта составляла гордость нашей науки, и ее работу надо возобновить. Тов. Зялялетдинов не привел, за недостатком времени, имеющих материалов о лексике. Между тем, это весьма необходимо: лексика указывает на культурное и бытовое общение народов разного происхождения.

Н. К. Дмитриев заканчивает пожеланием Казанскому филиалу Академии Наук обратить внимание на отсталый фронт изучения татарского языка.

Проф. В. В. Богданов исходит преимущественно из этнографических данных. Булгарская культура изображалась некоторыми докладчиками как фундамент, на котором строилась татарская культура на Волге. Но остается сделать еще очень много, чтобы булгарскую культуру разгадать. Ссылаясь на свою статью «К истории женского великорусского костюма», опубликованную еще в 1914 г., В. В. Богданов указывает на сходство костюма дунайских болгар с костюмом волго-финнов, мари, мордвы и южных великорусов. Это сходство подтвердилось данными недавней выставки в Ленинграде, где были представлены костюмы балканских болгар. Если болгары, основавшие Болгарское царство у славян на Балканском полуострове, были в приволжских местах в VII в., то эта этнокультурная связь в costume волго-финнов, чувашей, великорусов и балканских болгар относится к довольно отдаленному времени. Но VII век не является предельным в глубину. Указанное сходство, может быть, и не означает, что болгары и финны VI и VII вв. друг у друга заимствовали схожие черты, — они могли взять их из третьей культуры, которой предположительно можно считать иранскую культуру. Нужно напомнить исследования В. Ф. Миллера об иранцах в Восточной Европе и на Кавказе. В. Ф. Миллер указал два пути проникновения иранской культуры в Восточную Европу — южный и североиранский. Для этногенеза поволжских народов североиранское движение имеет особую важность. Между прочим, иранская культура была указана в Восточной Европе Геродотом в V в. до н. э. Им описана рабочая упряжка домашних животных на пашне, упряжка специфически средиземноморская — с парой волов в дышле и под парным ярмом, целиком сохранившаяся у украинцев, тогда как белорусы, южные и северные великорусы ее не знают.

Обращаясь к монгольской культуре, В. В. Богданов указывает на то, что ее историческое распространение на территории Восточной Европы и в Азии мало выяснено. Исследование Т. А. Трофимовой отмечает малое количество монголоидных черепов среди населения Тарании не древнего времени и значительное количество этих черепов в очень древнем слое на территории Куйбышевской области, южнее которой они не идут. Северная порода монгольской лошади, как установили советские животноводы, распространялась по северным путям, по всему побережью Северного Ледовитого океана, Балтийского моря, Атлантического океана. К ней принадлежит лошадь якутская, сибирка, пермская, шведка, ирландка, английская и др. Колесно-упряжная оглобленно-хомутная система у норвежцев говорит о какой-то очень древней связи с Восточной Азией. Древний слой монгол, отмеченный в антропологических работах, подтверждает раннее распространение монгольской культуры северными путями.

Одной из наиболее неисследованных проблем является вопрос о турецкой культуре. Необходимо изучение древнейших корней турецкого языка.

Проф. Тихомиров указывает на необходимость внимательного рассмотрения вопроса этногенеза татар Поволжья, без разрешения которого нельзя правильно построить историю Тарании. Между тем, некоторые существенные стороны вопроса не получили достаточного освещения в докладах на Сессии.

В докладе А. П. Смирнова, по мнению оппонента, проводился как бы знак равенства между булгарами и позднейшими татарами. Между тем, нельзя забывать, что существовали две ветви булгарского народа. Говоря о судьбе одной ветви, надо вспомнить и о другой, ибо метод аналогии может здесь помочь. Современные исследования говорят, что господствующим ядром булгарской орды были турки. Но на Дунае тюркский элемент совершенно растворился среди элементов

славянства. На севере, на Волге, мы имеем совершенно иное явление. Что же наша северная булгарская орда в приволжских местах, на которых осела? На каком языке говорили те автохтоны, о которых шла речь, и правильно ли вести этих автохтонов от ананьинской культуры, а затем продолжать эту непрерывную линию до современных татар? Можно ли галлов называть французами или антов великоруссами, украинцами или белоруссами? Народ появляется не сразу, а состоит из ряда слагаемых. При разрешении вопроса об этногенезе татар надо обратить внимание на разного рода слагаемые. Спор о том, кто именно является потомками булгар — татары или чуваша, возможно, надо решить так, что ими являются и татары, и чуваша. По мнению проф. Тихомирова, не нашел в докладах правильного освещения и вопрос о Золотой Орде. Одно время, по теории М. Н. Покровского, Золотая Орда признавалась положительным явлением. Эта теория оставлена и правильно признана ненаучной. Золотая Орда и нашествие Батыя причинили колоссальный вред завоеванным странам; не только на Русь, но и в Крым, и в Поволжье в XV—XVI вв. в некоторых отношениях замечается явный регресс. Но Золотая Орда была явлением мирового порядка, большим государством, связанным со Средней Азией, возникшим на определенном историческом базисе, в тех местах, где были кипчаки, существовали Хазарское и Булгарское царства. По мнению проф. Тихомирова, золотоордынский период является существенным в процессе создания татарского народа.

Недостаточно раскрыты, говорит проф. Тихомиров, и еще две стороны: связь татар с другими народами (чувашами, мордвой и мари), проживавшими на той же территории, и связи татар с русскими в XV и первой половине XVI вв., связи взаимные: не только русские пленные, оседавшие в Казанском ханстве, влияли на татар, но и при посредстве татар Средняя Азия влияла на русскую культуру. Поэтому для русских историков история волжских булгар и татар имеет огромное значение, и без ее изучения нельзя понять связь России с Востоком. Изучить историю татарского народа в ее международном окружении — благодарная задача.

Вопросы этногенеза, говорит член-корр. Академии Наук СССР А. Ю. Якубовский, вопросы сложные и очень ответственные. Нужно всегда отделять историю народа от истории его имени. Иногда мы из имени делаем фетиш, следуем за ним и сокращаем время существования народа, а то и извращаем историю того или иного народа в области его этногенеза.

А. Ю. Якубовский напоминает процесс этногенеза узбекского народа. Узбекский народ сложился из разных этнических групп, населявших в течение долгих веков территорию современного Узбекистана. Процесс этот шел медленно, длительно и до сих пор еще продолжается. Основу узбекского народа составляют все тюркские элементы, которые здесь накапливались, начиная со второй половины VI в. н. э. Особенно мощный слой тюркского населения связан с караханидским движением конца X и XI вв. Вторым слагаемым в составе узбекского народа были те немногие монгольские племена — джелаиры, барласы, которые во второй половине XIII в. появились здесь уже оторченными и окончательно оторчились здесь в XIV в. Важным слагаемым в составе узбекского народа были те иранские — согдийско-таджикские элементы, которые являлись наиболее древним населением областей между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей и в течение долгого времени подвергались отторжению. Группа таджикского населения, подвергнувшаяся в языковом отношении отторжению, долгое время носила имя сартов. Последним весьма важным слагаемым в этногенезе узбекского народа были кочевники-тюрки — узбеки, жившие на территории Белой Орды, в степях на север от нижней Сыр-Дарьи и Аральского моря, появившиеся на территории Средней Азии уже в XV в. и захватившие государство Тимуров в XVI в. Войдя с именем узбеков, как кочевники-тюрки, они в течение последующих веков перешли на оседлый земледельческий труд и только в самое последнее время передали всему перечисленному и органически сложившемуся этническому комплексу, как единому и цельному народу, свое имя узбеков.

Нечто подобное наблюдалось и среди тюркских или близких тюркам народов Нижнего Поволжья. В Поволжье, как известно, в самом раннем средневековье было два народа — булгары и хазары. Хазары в X в. не представляли собой прочного этнического целого. По существу это был конгломерат разных этнических групп, в подавляющем своем большинстве кочевников, остаток тюркской державы — каганата, при сравнительно небольшом слое земледельческого населения по правому и левому берегам Волги. Все эти массы разнородных групп объединены были властью хазарского кагана, опиравшегося главным образом на наемную гвардию из соседних Хорезму тюрков. Иную картину представлял в том же X в. народ булгар. В основном это были уже земледельцы, хотя и не совсем порвавшие с кочевым бытом. Земледельческий характер маленького по сравнению с хазарами Булгарского княжества делал его более устойчивым, чем обширное Хазарское царство. Это мы видим на судьбе того и другого после удара, нанесенного обоим русским князем Святославом в 965 г. Хазарское царство навсегда прекратило свое существование, а Булгарское оправилось и в XI в. даже выросло.

Характерно, что Булгарское княжество рано вошло в оборот культурных связей со всеми своими соседями — с русскими, Кавказом, Средней Азией и отдален-

ным Халифатом. Из Средней Азии оно приняло ислам, который поддержан был халифским посольством из Багдада в 921—922 гг. Город Булгары рано стал культурным мусульманским центром и оказывал немалое воздействие в этом направлении на соседей тюрков-кочевников, особенно на печенегов, а затем и на половцев. Когда в 30-х годах XIII в. южное Поволжье было захвачено татарами (монголами) и образовалась Золотая Орда как новое государственное объединение, она своими монгольскими силами не создала никаких культурных ценностей. Монголы, опираясь на свои хорошо дисциплинированные и вооруженные силы кочевников, создали насильственно действующую военно-административную систему, суть которой сводилась к следующему. Вся огромная территория была поделена на правое и левое крыло войска. Собственно «Золотая Орда» была правым крылом, а Белая Орда (русские летописи называют ее Синей Ордой) — левым крылом войска. Это означало, что тумены (десятитысячные отряды) правого крыла собирались из кочевников Золотой Орды, а тумены левого крыла — из кочевников Белой Орды. Наряду с монголами в войске монгол было много кочевников-половцев. Татарское (монгольское) войско и было той силой, на которой держалась вся эксплуатация победителями-татарами покоренных народов. Золотая Орда насильственно объединила несколько культурных народов: население земледельческого Булгарского княжества, население Крыма и северного Хорезма. Ремесла, искусства и другие культурные ценности создавались не татарами, а этими покоренными культурными народами. Это хорошо видно из всех богатых памятников Золотоордынского периода в Хорезме, Булгарах, поволжских городах и Крыму.

Какое отношение имеют современные казанские татары к татарам Золотой Орды? А. Ю. Якубовский полагает, что в данном случае у некоторых историков наблюдается упомянутый выше случай смешения истории народа с историей имени другого народа. Население Татарской Республики, занимающее территорию бывшего Булгарского княжества, отсюда не уходило, никем не было истреблено и живет по своему. Правда, оно не сохранило ни прежней своей этнической чистоты, ни древнего своего языка, ни, наконец, своего имени. В него вошли новые элементы, новые этнические слагаемые. Едва ли собственно монгольские (татарские) племена там могли осесть. Нам не известно, чтобы там осели кунграты или мангыты, наиболее крупные монгольские (татарские) племена, уже к XV в. совершенно по языку отороченные. Окончательно решить этот вопрос могут лишь систематические археологические и антропологические изыскания, не говоря уже о работе над письменными источниками, что еще совсем не сделано. Требуется тщательного исследования вопрос о половцевом воздействии на булгар, о внедрении половцев и других тюркских элементов в состав булгарской территории в течение XI—XIII вв. и последующего времени. Пока же мы с уверенностью можем сказать, что этническую основу казанских татар или татар Татарской Автономной Советской Социалистической Республики составляют древние булгары, включившие в себя еще новые элементы (пока мало обследованные), только впоследствии получившие имя татар.

По мнению проф. С. П. Толстова, проблема этногенеза поволжских татар находится в счастливом положении по сравнению с многими аналогичными проблемами, касающимися других народов. Доклады, заслушанные на Сессии, основанные на больших монографических исследованиях и результатах многолетних экспедиционных работ. Тот факт, что исследователи, работающие в разных областях, в значительной степени независимо друг от друга, пришли тем не менее к сходным выводам, убеждает, что мы имеем дело не с гипотезой, а с солидно обоснованной научной теорией этногенеза татар Поволжья. Проблема этногенеза татар Поволжья разрешается, как проблема многовековых исторических взаимодействий между средневожскими племенами и их степными соседями, втягивавшимися на протяжении нескольких тысячелетий в процесс консолидации народов вокруг Волго-Камского северного культурного центра.

Высказанные проф. Тихомировым опасения, что проблемы татарского и чувашского этногенеза разрешаются в отрыве друг от друга, неосновательны и вызваны ограниченными рамками доклада А. П. Смирнова. Как раз ему принадлежит специальная работа об этногенезе чуваш. Булгары, по имеющимся у нас данным, представляли единого народа, но совокупности племен, близких между собой. По концепции А. П. Смирнова, имелась западная группа этих булгарских племен — сувары, эсегельские булгары, которая связала свою судьбу с окружающими ее финскими племенами, и восточная группа, исламизированная и связанная со степными. Судьба этих двух групп, которые вычленились из одного этнического конгломерата, различна, в результате чего сложились две различные национальности. С. П. Толстов полагает, что особенно резкие различия в народной культуре чувашей и татар сложились позднее, в XIX—XX вв., когда возникают тесные экономические отношения между поволжскими татарами и Средней Азией и в культуре татар появляется новый пласт среднеазиатских влияний. Можно предполагать, что аналогичный процесс происходил и в языке.

Считая правильной историческую концепцию, данную в сокладе Н. Ф. Калинина (Казань), С. П. Толстов подчеркивает ее совпадение в основных положениях с докладами москвичей. Выдвинутая проф. Тихомировым проблема исторической роли Золотой Орды не совпадает с проблемой этногенеза казанских татар. Ошибка

вызывается самим названием «татары», которое прилагалось к разным народам: татарам казанским, крымским, астраханским, барабинским, ногайцам, черным татарами и т. д., т. е. к народам, не имеющим между собою почти ничего общего, за исключением того, что они говорят на языках тюркской системы, причем всевозможных ее ветвей. Такое распространение названия татар объясняется реминисценциями монгольского завоевания и русской исторической традицией, между тем как сами эти народы почти совсем имени «татары» не употребляли, и только впоследствии этот термин становится этническим именем некоторых из этих групп. Позиция казанских историков, которые отказались от понятия татар вообще и занимаясь особой нацией, сложившейся в Среднем Поволжье в определенных исторических условиях, совершенно правильна.

Для дальнейшей разработки проблемы очень важно усилить лингвистический устакан, являющийся в настоящее время отсталым.

Проф. Толстов высказывает пожелание о более детальном историческом расчленении «степных элементов» в культуре казанских татар, отмеченных в докладе проф. Воробьева, и обращает внимание лингвистов на чередование «к» и «х» в диалектах Хазарского государства.

Тов. Раимов считает, что в докладах не были достаточно раскрыты некоторые узловые вопросы этногенеза татар Поволжья. Недостаточно освещен в докладе А. П. Смирнова вопрос о социально-экономическом базисе. Образование народа надо искать там, где начинается сложение союза племен. В докладе не было конкретизировано, из каких элементов образовался этот союз в добулгарский период и главное, в каких отношениях он находился с булгарами, пришлыми, по мнению А. П. Смирнова, элементами. В докладах не была выявлена неправильность теории Ашмарина, считавшего чуваш потомками булгар. По мнению тов. Раимова, основная ошибка Ашмарина заключалась в том, что он считал булгар более древним народом, а чуваш — их потомками. Но тогда непонятно, почему же тот культурный уровень, который был достигнут в Булгарский период, не сохранился у чуваш. Очевидно, чуваш — более древний народ, а булгары были их потомками, от булгар идет и другая народность — казанских татар, которая сохранила булгарскую культуру и пошла дальше.

А. Ю. Якубовский в своем выступлении восполнил существенный пробел докладов, показав, почему культурное влияние татаро-монгол было незначительно. Выводы докладчика-антрополога о слабом расовом влиянии татаро-монгол представляются оппоненту недостаточно обоснованными.

Сессия убедительно показала неправильность теории чингизидов. Молодая татарская буржуазия, националистически настроенная, стремилась создать в своем народе дух воинствующего национализма и связывала происхождение народа с завоевателями — чингизидами. Так, в конце XIX — начале XX в. через татарскую буржуазную литературу, через мечеть и пр. начинает проникать в народ название «татары».

В выступлении тов. Тилеева было подчеркнуто значение научной сессии не только для историков древности, но и для историков советского периода, не только для историков Татарии, но и Башкирии. Связывая этногенез татар с монголами, националистически настроенные татарские писатели и историки в первых десятилетиях XX в. утверждали, что предками современных казанских татар были монгольские завоеватели. В 1917—1918 гг. эта теория была использована в политических целях. Так, националист Джамалетдин Валиди призывал башкир отказаться от автономии и проповедывал татарский шовинизм, указывая на то, что и татары, и башкиры — монголо-татары, дети чингизидов. Для углубления научных результатов Сессии важно продолжение, лингвистических наблюдений, начатых докладом тов. Л. З. Зялялетдинова.

В заключительном слове проф. А. П. Смирнов подчеркивает, что он не ставит знака равенства между татарами и булгарами, но считает булгар одним из основных компонентов татарского народа. Главные элементы булгарской культуры уже выяснены в научных исследованиях, и можно говорить о ней, как о фундаменте создания более поздней татарской культуры. Конечно, нельзя вести татар прямо от ананьинской культуры, чего и не было в докладе. Чтобы понять этногенез татарского народа, надо начинать не с Ананьина (это уже железо), а с эпохи бронзы. Если доклад не касался этого периода, то по причине его слабой изученности. Именно обращение к материалам ананьинской культуры позволило антропологам уловить древний монголоидный элемент. Вопрос о племенных союзах, отмеченный в выступлении тов. Раимова, может быть освещен более подробно: археологические материалы показывают, что эти союзы возникли как оборонительные против наступления сармат. Предположение тов. Раимова о том, что чуваш древнее булгар, представляется А. П. Смирнову правильным. Повидимому, чуваш надо связывать с культурой городищ рогожной керамики. Но они жили вместе с булгарами и ассимилировались с ними. Основное положение докладов о том, что процесс сложения казанских татар был очень сложным, что татары образовались в основном из автохтонных племен, смешавшихся с рядом пришлых элементов, представляется докладчику не опровергнутым.

Т. А. Трофимова, отвечая на заданные ей вопросы, делает несколько до-

полнений к своему докладу. Антропологические исследования проводились среди крестьянского населения Арского, Елабужского и Чистопольского районов Татарской Республики и не коснулись городского населения и старотатарской социальной верхушки. Географические различия по районам имеются и выражаются в том, что степень концентрации антропологических компонентов различна. У татар собственно Арского и Чистопольского районов сильнее выявляется монголоидная примесь, чем у других групп. В Елабужском районе две этнические группы (татары, кряшены) по сравнению с группами Чистопольского района отличаются большим количеством светлых европеоидных компонентов и значительной долей сублапоноидного типа. Наоборот, группы Чистопольского района (независимо от того, татары это, кряшены или мишари) все отличаются большей выявленностью темного понтийского типа.

Если проследить различия в антропологическом составе по этническим группам татар, то окажется, что татары собственно Елабужского и Чистопольского районов, так же как и татары Арского района, характеризуются наибольшей смешанностью. Кряшены характеризуются преобладанием светлых компонентов, т. е. тех, которые особенно ярко выступают среди соседних финских групп, а также и среди местного русского населения. Кроме того, у них отчетливо выражен также и сублапоноидный тип. У мишарей же особенно заметен понтийский тип.

Какие антропологические черты отличают от казанских татар прочие ветви татар — ногайцев, татар астраханских, западносибирских и др.? Прежде всего, говоря о различиях, нужно всегда иметь в виду историю каждой отдельной группы татар, о которых мы будем говорить. Если взять касимовских татар, то среди них преобладает темный брахикефальный европеоидный тип (памиро-ферганский) и монголоидная примесь. Ногайцы же чрезвычайно сложная группа, там можно выделить три европеоидных компонента (понтийский, памиро-ферганский и «кавказский») и три монголоидных компонента. Третий европеоидный компонент — тип относительно рослых, короткоголовых, с широким лицом и сильно выступающим носом людей, которые ярко представлены среди тюркских и других кавказских народностей, в частности среди кумыков. Из монголоидных мы встречаем центральноазиатский, т. е. собственно монгольский и североазиатский, или уральский, длинноголовый монголоидный компонент.

Ногайцев по антропологическому составу нельзя рассматривать как сохранившийся в чистом виде пережиток татар Золотой Орды. Целый ряд компонентов безусловно объясняется более поздней историей; так, например, брахикефальный высокорослый компонент несомненно является следствием смешения с кавказскими группами, в частности с кумыками. Идет также смешение и с туркменами, длинноголовый, европеоидный компонент которых, вероятно, вторично наслаивается в составе ногайцев. И, наконец, длинноголовый монголоидный компонент, который мы имеем, может стоять в связи с каким-то древним пережитком населения территории степей, в частности с гуннами; может быть, это остатки какого-то древнего населения, часть которого вошла в состав ногайской орды. А может быть, это примесь более поздняя, вошедшая в состав ногайцев в связи с тем, что ногайские орды кочевали в Приуралье, соприкасаясь с местами кочевий сибирских татар. Западносибирские татары — другой пласт, там преобладают длинноголовые компоненты с очень небольшой европеоидной примесью. По палеонтологическим данным мы знаем, что европеоидный расовый тип на территории Западной Сибири бытует чрезвычайно давно, еще в эпоху бронзы.

Проф. Воробьев, считая, что основные положения докладов не встретили серьезных возражений, останавливается на вопросах, изучение которых нужно продолжить для более детального освещения проблемы.

Для изучения древних лесных элементов в культуре татар необходимо более подробное обследование еще слабо изученного быта соседних с татарами лесных (по происхождению) народов — удмуртов, мари и мордвы. Крайне необходимо изучение небольшой группы, живущей в Вятском крае, — бессерми. Можно предполагать, что они являются остатком древней колонии булгар, заброшенной на Вятку в XII—XIV вв. — в их быту и, в частности, в одежде сохранилось немало черт, близких к чувашским.

Чтобы лучше расшифровать степные элементы в культуре поволжских татар, необходимо детально изучить вторую группу поволжских татар-мишарей, которые в последнее столетие культурно все более и более сближаются с казанскими татарами. Изучение истории формирования мишарей может дать многое о происхождении тех степных элементов, которые мы условно называем «кипчакскими».

Отвечая на заданные вопросы, Л. З. Залаялетдинов называет письменные документы, на которые можно ссылаться при установлении связей современного татарского языка с древним языком. Для X—XI вв. таким письменным памятником является «Насыхат-эл-салихин», для XIII—XIV вв. — надгробные надписи. Они были использованы проф. Ашмариным, но односторонне, и выводы советских ученых о том, что булгары и чуваша в древности представляли народы одной системы языка, что между ними в течение многих веков длилось взаимное влияние и что современный язык татар Поволжья больше, чем чувашский язык, сохранил в себе элементы булгарского языка, представляются более правдоподобными.

Исходя из архаичности чувашского языка, можно предполагать, что он являет-

ся более древним тюркским языком в бассейне Волги. Тезис Н. Я. Марра «чувашияфетиды на Волге» имеет сейчас особенно актуальное значение.

Подводя итоги, академик Б. Д. Греков в отмечает плодотворность работ сессии, обусловленную тем, что в ней приняли участие ученые разных специальностей (историки, археологи, этнографы и лингвисты), а это было необходимо при решении сложного и трудного вопроса. Сессия, отразив определенный этап в изучении проблемы этногенеза татар Поволжья, вызвала вместе с тем ряд новых вопросов и наметила задачи завтрашнего дня, подлежащие разрешению общими усилиями.

В заключение было принято постановление о подготовке к созыву сессии Отделения истории и философии для обсуждения темы о Казанском ханстве, как одной из тем по истории Татарии, требующих углубленной разработки.

Е. К.

ОТЧЕТ О РАБОТЕ НА СЕВЕРЕ (1941—1945 гг.)

В 1941 г. Институт этнографии Академии Наук СССР, в связи с намеченной реэкспозицией Отдела Сибири, предоставил мне возможность выехать на Север в четырехмесячную командировку. Цели ее: сбор материалов по этнографии хантов, по вопросам, малоисследованным или неизученным вовсе, и сбор этнографических предметов для коллекций Музея антропологии и этнографии.

Маршрут поездки был намечен по двум северным притокам Оби — рекам Куноват и Казым, местам расселения представителей северной группы хантов.

Выехав из Ленинграда 17 июня 1941 г., я прибыла на Казым 7 июля и работала до 11 августа, проведя этнографическое обследование хантыгского населения (Казымский сельсовет) в Амнинских, Кислорских, Выргимских юртах и на Казымской культурной базе, а затем, согласно намеченному плану, переехала в соседний Полноватский сельсовет, где, пробыв до 9 сентября, провела разъездную работу, с кратким пребыванием в каждом населенном пункте, в следующих юртах: Полноватских, Воньзеват, Сумытнёл и Соцеланы.

После двухмесячного пребывания на Севере мое общение с Институтом, в связи с блокадой Ленинграда, прекратилось, и лишь через год я получила возможность вернуться на Казым и продолжать свою работу, но уже в ином плане: в 1942 г. и в последующие годы мне пришлось вести этнографические наблюдения параллельно с политико-просветительной работой, выполняемой мной в качестве работника Казымской культурной базы.

За этот период, кроме указанных выше юрт Казымского сельсовета, мне удалось побывать и в остальных населенных пунктах этого сельсовета, а именно: Хуллор, Помыт, Юильск и Нум-то. Таким образом, собранный мной этнографический материал в основном относится к казымским хантам. Они из всей северной группы хантов являются наименее изученными. На русском языке казымцам посвящены лишь небольшие работы И. Шухова; в иностранной литературе имеются только отдельные упоминания о них.

Казымские ханты, называющие себя «Казым ёх» (казымские люди), населяют бассейн р. Казым или, по нынешнему административному делению, территорию Казымского сельсовета, охватывающего площадь в 35 700 квадратных километров.

За последние пять лет на Казыме успешно проходил процесс сселения и оседания коренного населения, в основном заверченный к 1946 г. Во всех семи юртах построены новые дома, имеются начальные школы, детские ясли, фельдшерские пункты и торговые точки. Оседание казымцев отразилось на их производстве. До 1940 г. на Казыме практиковалась существовавшая истари перекочевка на летний сезон в низовья Оби для рыбного промысла. Выезжали весной, целыми семьями, в больших крытых лодках с шалашами для жилья («хот пелын юх») и возвращались на Казым осенью. В связи с оседанием казымцы постепенно перешли к эксплуатации местных рыболовных угодий в течение всего года. Теперь выезды в низовья Оби практикуются лишь отдельными рыболовецкими бригадами, не берущими с собой семей. В связи с оседанием отпала также необходимость брать всю семью и на охотничий промысел.

Все трудоспособные женщины участвуют в промыслах наравне с мужчинами.

Основными занятиями казымцев являются: охота, рыболовство и оленеводство.

Промысловой зверь на Казыме: белка, лисица, горностай, выдра, бурундук, росомаха, лось и заяц. Зимняя охота проводится на оленях, осенняя пешком, причем охотник тащит на себе нарточку («лангкыр эхыл» — плечевая нарта) с необходимым провиантом, посудой, одеждой и т. п. Нередко вместо нарт употребляют волокушу из шкуры (постели) оленя, носящую название «тахты хыр» — постельный мешок. Орудиями охотничьего промысла служат: ружья-кремневки, сторожевые луки, слопцы, черканы, капканы и т. п.

Наряду со звероловством распространен и птичий промысел, имеющий потребительское значение. Объекты птичьего промысла — птица водяная (утка, гусь, лебедь) и лесная (глухарь, рябчик, куропатка). Орудиями птичьего лова служат: перевес, ручной лук, ружье, петли и слопцы.